

Надгробия с эпитафиями в культуре Москвы конца XVII в. и «Эпитафион» Сильвестра Медведева в память Симеона Полоцкого

DOI 10.31168/91674-483-5.38

Обычно считается, что жители Московского царства начали превращаться в «европейцев» только при Петре I, причем неохотно. На самом деле горожане (москвичи, новгородцы, ярославцы) уже с середины XVII в. привыкали к иноземному быту, по крайней мере в некоторых его проявлениях. Они давно стали европейцами — просто до 1700-х гг. и сами о том не ведали.

Свидетельства бесчисленны, начиная от новинок иконографии и распространения книгопечатания и заканчивая стремлением усовершенствовать индустрию и агротехнику (устройство стекольных заводов, попытки разводить шелкопряд и выращивать виноград, не говоря уж о проникновении множества не столь заметных, но показательных бытовых элементов, зародившейся моде на европейское и польское платье и прически). Тектоническими были сдвиги в области духовной жизни, в богослужении, в развитии форм национальной памяти, появлении новых жанров в литературе. В том числе — в оформлении кладбищ, устройстве памятных знаков.

Яркий пример — эпитафия иеромонаха Симеона (в миру — Симеон Гаврилович Петровский-Ситнянович¹, 12.1629, Полоцк — 25.08.1680, Москва), в Москве прозванного Полоцким, сохранившаяся

¹ Об именах Симеона Полоцкого: *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006; *Робинсон М.А., Сазонова Л.И.* Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // *Русская литература.* 1988. № 4. С. 134–147; *Гордеев М.Ю.* Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя // *Славяноведение.* 1999. С. 37–47. — URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/Simeon_Polockij/testament_08_07_1657.htm

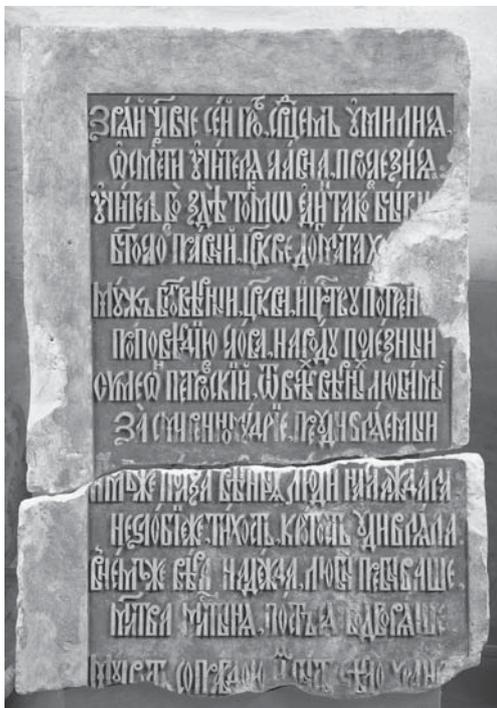
в составе памятника (сейчас в Московском государственном объединенном музее-заповеднике), который выделяется даже на фоне этой богатой коллекции. В составе собрания более 70 надгробий с XIV–XV до середины XVIII в., демонстрирующих весь путь развития индивидуальных погребальных сооружений церковных кладбищ Москвы от послемонгольских столетий до Нового времени. Но в большинстве это типичные представители своего вида, похожие друг на друга, как близнецы: в средневековой Московии существовало массовое производство надгробных плит. В их ряду каменный «эпитафий» в честь Симеона Полоцкого из монастыря Всемилоствитого Спаса, что на Никольской улице за Иконным рядом в Москве (Зайконоспасского), установленный после его смерти в 1680 г., — явление новое и, безусловно, рубежное².

Это монументальное сооружение. В прошлом оно состояло из трех плит белого камня: одна на месте погребения в подклете (нижнем ярусе) монастырского собора³, а две другие, парные, очень высокие (более человеческого роста: 233 × 87 см каждая), были вставлены в кирпичную кладку северной стены монастырской трапезной⁴. Плиты почти касались пола, но достигали примерно половины высоты стен. Они и сегодня выглядят монументально: это увеличенные до невероятного размера, имитирующие литые из металла окаменевшие книжные страницы. Причем страницы, богато иллюминированные «писцом»: на темном (черно-синем) фоне когда-то ярко выделялись строки позолоченных букв, расцвеченных красными инициалами. Изображений или орнаментов на плите нет — главным украшением служит сама длинная надпись изысканной вязью, строки и столбцы которой прекрасно скомпонованы. На каждой плите — 24 строки «обронной работы» (с рельефными буквами, выступающими над фоном), заключенные в гладкую каменную раму (ил. 1 а, б).

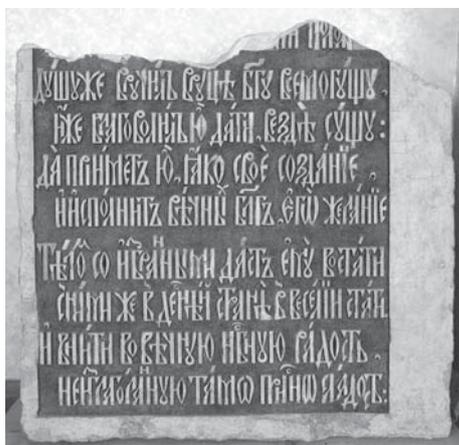
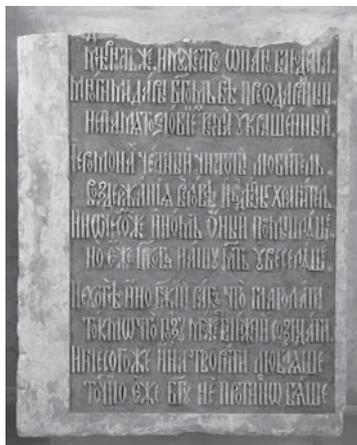
² Надпись и фотографии камней давно известны, но качественной публикации памятника до сих пор не было.

³ Т.В. Левина полагала, что эта плита утрачена, на самом же деле она сохранилась в нижнем ярусе храма. См.: *Левина Т.В.* Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду. М., 2006. Вып. 1. С. 82–90; Древняя Российская Вивлиофика, изд. Н.И. Новиков. 1770–1780 гг.; *Мартынов А.А.* Надгробная летопись Москвы. М., 1895.

⁴ Сюжет с размещением надгробий в церкви заслуживает особого изучения, которое никогда не проводилось. Неизвестен сам момент исполнения монументальной эпитафии, который лежит между годом смерти Симеона (1680) и годом появления трапезной, — сама нижняя церковь датируется 1661 годом, но трапезная пристроена в 1701 г. (в 1710-х гг. перестроили верхнюю церковь, а под папертью с запада и севера устроили кельи для студентов в два этажа).

1. Части надгробной плиты-таблицы Симеона Полоцкого с «Эпитафиею Сильвестра Медведева. Не ранее 1680 года. Из Заиконоспасского монастыря. Фрагменты: а – левая полоса, верхний и средний, б – левая полоса, нижний; в – правая полоса, нижний (МГОМЗ, фонд «Белый камень», инв. № Л-225, 226).

Изучать надгробие можно с многих сторон. Например, погрузиться в обстоятельства жизни и творчества Сильвестра Медведева (21.1.1641, Курск — 11.02.1691, Москва) и Симеона Полоцкого, познакомиться с их языком и поэтическим стилем. Описать эпиграфику и художественные особенности плит, соотнесенность с аналогичными

памятниками, место в их ряду⁵. Задуматься о социальной роли этого своеобразного «постера», о прототипах в погребальном церемониале Центральной и Западной Европы, прежде всего в соседней Речи Посполитой. Нельзя забыть и о технических характеристиках сооружения, о литологии и минералогии использованного камня. Все это мы затронем только вкратце, стараясь в то же время добиться нового и возможно более полного видения предмета.

Намогильная плита — первый и вполне традиционный элемент — предназначалась для укладки или установки на месте погребения прямо при похоронах или вскоре после них. Она не требовала длительной обработки: в Московской Руси такие плиты делали и на местах добычи известняка, а также в городах и монастырях, где существовали мастерские каменосечцев. История белокаменных намогильных плит в России уходит к XIII–XIV вв.; они происходят от крышек прямоугольных каменных саркофагов и до конца XV в. не имеют надписей. Однако в течение XVI–XVII вв. именно надпись станет главным украшением и «сюжетом» московского надгробия⁶. Она постепенно увеличивается в размерах, но в течение 200 лет держится устойчивой схемы. В ее «формуляр» входит указание года, месяца, дня смерти и церковного праздника этого дня; имени усопшего (если был принят постриг — называют и монашеское имя); его родства (сын, дочь, жена) и возрастной категории (единственная форма — «младенец»). Для знати указывали социальный статус (князь, боярин, стольник, дьяк и т.п.), очень редко (для купцов и богатых ремесленников) — род занятий. Еще реже могли указать место и обстоятельства смерти, особенно если она связана с несением службы. Оформление могло меняться, текст переходил с намогильной плиты на крышку саркофага и на таблицы в надгробницах, но содержание оставалось прежним, подчас его даже повторяли, если необходимо было заменить поврежденный камень⁷ (ил. 2).

⁵ Примеры эпитафии XVII–XX вв. см.: Русская стихотворная эпитафия. СПб., 1998.

⁶ Подробнее см.: Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996; Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду / Под ред. Л.А. Беляева. М., 2006. Вып. 1, и не доведенный до второй половины XVII в. свод Б.Г. Гиршберга: Гиршберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. I; Гиршберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Вып. III.

⁷ Оформление церковных некрополей см.: Беляев Л.А. Усыпальница князей Пожарских и Хованских в Суздале и «архитектура памяти» в Московском государстве XVI–XVII веков: к постановке вопроса // На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древне-

2. Надгробия великих князей XV — середины XVI вв. с краткими сведениями об усопших на резных вставках-таблицах, в прошлом с росписью. Архангельский собор Московского Кремля. Фото К.А. Фишера. 1905 г. Типичный пример оформления надгробий статусного некрополя XVI–XVII вв.

От первой надмогильной плиты Симеона Полоцкого в нижней церкви монастырского собора (она неоднократно описана в сочинениях историков XVIII–XIX вв.) мы вправе ожидать традиционного формуляра. Текст действительно краток, но отличается от традиционных старомосковских до неузнаваемости. Он полностью перестроен. Сначала идет указание на исповедание и благочестие покойного, потом его имя и статус, лишь затем — дата без указания на праздник:

*Великого Бога рабъ верный
Симеон Петровский Ситиянович Полоцкий
иеромонах честный, богослов известный*

русских летописях: [Сб. ст.] / Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник; [сост. М.Е. Родина]. Владимир, 2015. С. 12–26; о плитах-повторениях: *Беляев Л.А., Савельев Н.И.* «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV–XVII веках // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи: материалы науч. конф. М., 2016. С. 188–192.

*и слова Божия проповедник преставися
в лето от создания мира 7188
месяца августа в 25 день
от рождества же Спасителя 1680
въ 51 (год) возраста своего
(и) в 9 месяце.*

Содержание текста существенно шире, чем обычно. Даны сведения о количестве прожитых лет и подробное описание статуса (иеромонах, богослов, проповедник), украшенное соответствующими эпитетами («честный», «известный»). Намогильный текст ритмизован, чего до 1650-х гг. в России не делали. Все эти черты пришли из европейской эпитафики, что подчеркнуто демонстративным переводом даты смерти с традиционного счета от Сотворения мира на «европейский» стиль от Рождества Христова (такое двойное указание на летоисчисление очень типично для переходного периода в России Нового времени⁸).

Поразительно, но всё это внесено в русскую культуру самим Симеоном из Полоцка. Можно сказать, что трудом всей жизни он писал свою будущую эпитафию⁹. Как известно, Симеон — первый профессиональный литератор, работавший в Москве. Не хуже европейского пастора или ксендза XVII в. он умел написать проповедь и составить учебник для детей; изложить собранные за жизнь сведения в «сумме знаний»; полемизировать устно и письменно в богословском диспуте; приветствовать любое событие придворной жизни в сочиненных к случаю стихах (*сильвиях*) по-латыни, на польском, русском, церковнославянском языках. Он был книгоиздателем, оратором, драматургом¹⁰.

⁸ Один из ярких примеров сознательной демонстрации владения европейской хронологией — дата изразцовой надписи в соборе Ново-Иерусалимского монастыря, см.: *Баранова С.И.* Керамическая надпись в Ротонде Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 2011. Вып. 6. С. 29–37.

⁹ Благодарю за помощь в составлении краткой характеристики творчества Симеона Полоцкого известного специалиста по истории литературы России XVII в. Лидию Ивановну Сазонову, которая любезно согласилась прочесть текст статьи, сделав много необходимых поправок и дополнений.

¹⁰ Ортодоксальные историки воспринимали Симеона как часть ненавистного им «никонианства». Покажем этот взгляд в пристрастной версии Георгия Флоровского: «довольно заурядный западно-русский начетчик, или книжник, но очень ловкий, изворотливый, и спорый в делах житейских, сумевший высоко и твердо стать в озадаченном Московском обществе <...> как пиита и виршеслагатель, как ученый человек для всяких поручений» (*Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 75).

По образованию и ранней карьере Симеон представлял тот особый тип центральноевропейского просветителя (белоруса, украинца, литовца), который сложился в широкой полосе народов, помещавшихся в XVI–XVII вв. между собственно Европой и православными восточноевропейскими землями¹¹. Здесь возник особый вариант католицизма — униатство, важной ветвью которого стали базилиане — православные монахи, следовавшие уставу Василия Великого и жившие на культурном пограничье¹². Здесь шло активное взаимное знакомство католиков, представленных прежде всего монашескими орденами (иезуиты и др.), и православной паствы. Сюда же бежали от Контрреформации. Здесь было достаточно и знатоков иудаизма. В этой пестрой среде как нигде активно учились и учили латыни (это вообще отличало Речь Посполитую): в Киево-Могилянской академии (ее Симеон окончил), в иезуитских коллегиях и Виленской академии (в одной из них Симеон, видимо, завершал обучение)¹³.

В ответ на угрозу «латынян» на землях Украины и белорусских землях Великого княжества Литовского (в составе Речи Посполитой) оживилась работа православных просветителей. Заводили типографии (Львовская), составляли монастыри (Кутеинские обители Орши), открывали училища. В полоцком Богоявленском монастыре Симеон и принял постриг (что обеспечивало некоторую материальную поддержку) и начал преподавать (1656) в школе местного православного братства. В Москве его положение при дворе было заметным, и с ним

¹¹ См. об этом работы А.Н. Робинсона: *Робинсон А.Н.* Закономерности движения литературного барокко (Статья первая) // *Wiener Slav. Jh.* 1980. Bd. 26; *Он же.* Закономерности движения литературного барокко: место Симеона Полоцкого в русском литературном процессе (Статья вторая) // *Wiener Slav. Jh.* 1981. Bd. 27; *Он же.* Симеон Полоцкий и русский литературный процесс // *Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность.* М., 1982; а также: *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011; *Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.

¹² См. об этом у Поля Бушковича: *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York; Oxford, 1992; об искусстве этого «культурно-религиозного» пограничья много материалов в монографиях Л.И. Тананаевой. Библиография: *Тананаева Л.И.* О маньеризме и барокко. Очерки искусства Центально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI — XVII века. М., 2013.

¹³ Киевская академия, реформированная Петром Могилой, отдавала приоритет латинскому направлению. В результате Симеон, хотя и знал греческий язык (во всяком случае, имел о нем представление), в творчестве им не пользовался, его знание латинской литературы оказалось несравненно выше, чем греческих источников.

вынужден был считаться патриарх. Однако он остался в сане иеромонаха. Не сделав видимой церковной карьеры, считал себя скорее литератором, «трудником слова», прежде всего поэтом (стихи писал с детства).

Его работа «дидаскалом» в Полоцке пришлось на переломные для Московии годы: в многолетних войнах с Речью Посполитой определился успех, часть восточных земель Украины вошла в состав России, а русская армия оказалась на время владелицей многих белорусских городов и самой Вильны. Москва получила несравненно более широкий доступ к источникам европейского образования, технологиям, художественным ремеслам, специалистам. Переехавшие из Кутеинских обителей братья и сестры помогут в развитии книгопечатания и освоении технологий для церковного искусства в Иверском, Ново-Иерусалимском, Новодевичьем монастырях, принесут иконографические черты европейского барокко¹⁴.

Среди важнейших «приобретений» Москвы окажется и ученый иеромонах, поэт Симеон. Летом и осенью 1656 года его ученики дважды приветствовали декламацией царя Алексея Михайловича в Полоцке, а в 1660-х гг. Симеон, вместе с архимандритом своего монастыря, посетил Москву, где оставался много месяцев, регулярно выступая перед царем и его двором с «приветствиями» по разным поводам.

После того как Польша вернула Полоцк (1661), Симеону пришлось несладко, и в 1664 г. он окончательюно переехал в Москву, где почти сразу попал в гущу конфликта: еще не закончилась борьба патриарха Никона за реформу церковной службы и текстов. Симеону было не по пути с вождями раскола — они сразу рассмотрели в нем «римлянина». Нельзя было принять и сторону Никона: патриарх, уже чуждый царскому двору, жил на положении добровольного изгнанника в строящемся Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре. Симеон оказался на стороне реформаторов. Его искусство высококвалифицированного переводчика, секретаря церковных соборов, преподавателя латинского для молодых дворцовых подьячих при-

¹⁴ Биография Симеона Полоцкого, история войн Москвы с Речью Посполитой, основание и развитие монастырей патриарха Никона, переезд Кутеинских обителей — обширнейшие темы, активно изучаемые сегодня международным и российским научным сообществом. Даже беглое описание историографии уведет статью далеко в сторону от темы. Базовые издания с библиографией: *Панченко А.М., Романова А.А., Буланин Д.М.* Сильвестр // СлКДР. XVII в. СПб., 1998. Ч. 3. С. 354–361 (библиография до сер. 90-х гг.); *Панченко А.М., Романова А.А., Буланин Д.М.* Симеон Полоцкий // СлКДР. XVII в. СПб., 1998. Ч. 3. С. 362–379 (библиография до сер. 90-х гг.); *Сазонова Л.И.* Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Отв. ред. А.Л. Топорков. М., 2012; *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.) / Отв. ред. А.Н. Робинсон. М., 1991.

шлось как нельзя кстати. Отведенные ему кельи в Заиконоспасском монастыре вскоре стали центром новой образованности. Положение придворного монаха окончательно определилось в 1667 г.: он стал учителем царевича Алексея, а позже воспитывал всех сыновей Алексея Михайловича; он же экзаменовал учителя будущего царя Петра, Никиту Зотова.

Свою миссию Симеон считал еще более высокой, и это не было пустой риторикой, такова была его рабочая установка. Живший рядом с ним с 1667 г. талантливый ученик, курянин Сильвестр (Симеон) Медведев, описал Симеона как исключительно трудолюбивого и упорного человека: «Присно прилежал Симеон чтению и писанию. На всякий же день име залог писати в польдестъ по полутетрати, а писание его бе зело мелко и уписисто. И пребывая на Москве 16 лет, написа своєю рукою разных книг по исчислению прологов с десять или и вящше»¹⁵. Он стремился наполнить хотя бы высший слой страны «виршами и орациями, книгами и драмами, школами и “странними” языками, учеными диспутами и учеными людьми».

Прозванный в Москве «Полоцким», Симеон сочинял исключительно много и почти по всякому поводу, ввел в моду стихотворные приветствия в домах знати (которые сам же и писал вместе с учениками)¹⁶. Среди таких «сильвий» есть и стихи, связанные с местом, где суждено будет найти приют его надгробию, — с Коломенским: на открытие здесь нового дворца для Алексея Михайловича Симеон написал довольно длинный хвалебный текст. Так прививался в Москве известный Западу обычай декламации в храмах — некоторые «приветства» читались и в церквях.

¹⁵ Татарский. 1886. С. 341.

¹⁶ Примеры силлабической поэзии и ее комментарии легко найти в поэтических антологиях и исследованиях. См.: Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1935; Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Сазонова Л.И. Карюи Истомир. Книга Любви знак в честен брак. М., 1989, и др. Полный свод его знаменитого сборника «Вертоград» издан недавно: *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj* / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova; foreword by D.S. Lichačev. Vol. 1. «Aaron» – «Dĕtem blagoslovenie». Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1996 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge / Hrsg. von K. Gutschmidt, H.-B. Harder und H. Rothe. Bd. 10/I); *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj*. Vol. 2. «Emmanuil» — «Pocitanie» / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1999 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen / Hrsg. von K. Gutschmidt, R. Marti, P. Thiergen, L. Udolph. Neue Folge. Bd. 10/II); *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvĕtnyj*. Vol. 3. «Prav nikto zhe» — «Epitafion» Simeonu / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2000 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen / Hrsg. von K. Gutschmidt, R. Marti, P. Thiergen, L. Udolph. Neue Folge. Bd. 10/III).

Симеон жил своим преподаванием и литературными трудами: его дом, семья, челядь, конный выезд содержали на средства дворца. Он стал крупнейшим поэтом славянского барокко и оставил поэтическую школу, среди «выпускников» которой иногда числят и го царственного воспитанника, убежденного «западника» Феодора Алексеевича (который, возможно, сделал стихотворный перевод двух псалмов). Им собрана первая личная библиотека (до 700 томов) и сделана попытка учредить Верхнюю (то есть дворцовую) типографию, свободную от контроля патриарха.

Близость с царем Феодором спасала Симеона от соперников при дворе. Однако ученикам, особенно самому талантливому из их плеяды Сильвестру Медведеву¹⁷, пришлось испытать на себе перипетии таких интриг, в водовороте борьбы за власть между партией царевны Софьи и Нарышкиными близкий к дьяку Ф.Л. Шакловитому поэт в конце концов лишился головы.

По смерти учителя Медведев занял место придворного поэта, проповедника и богослова при царе Феодоре и в правление царевны Софии Алексеевны (1682–1689). Его стихи — почти исключительно «на случай». И в их числе — «Эпитафий» Симеону Полоцкому. Медведев и царь Феодор, высоко ценивший творчество «силлабических поэтов», создали его вместе: один как писатель, другой как «редактор». Краткий вариант (14 строф) царь отверг, приказав написать «12 статей, в каждой по две вирши», которые соединяли бы перечисление трудов Симеона и выдающихся черт его характера. Поэт составил именно такую эпитафию, и «сие надгробное писание государь указал на дву каменных таблицах (“арках”) вырезав, позлатить и устроить над гробом иеромонаха Симеона своею государскою казною из приказа Каменных дел» (один из редких случаев описания такого заказа)¹⁸. Приведем текст эпитафии Симеону Полоцкому по автографу С. Медведева¹⁹.

*Зряй, человек, сей гроб, сердцем умилися,
о смерти учителя славна прослезися.*

¹⁷ *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896.

¹⁸ *Ковалев А.* Историческое описание... Заиконоспасского монастыря в Москве на Никольской улице. М., 1887. С. 99–102; *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896; *Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII ст. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. А.М. Панченко.* Л., 1970. С. 393.

¹⁹ «Эпитафий» неоднократно переиздавали. Новейшее издание: *Simeon Polockij.* Vertograd mnogocvĕtnyj / Ed. by A. Hippisley and L.I. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 2000. Bd. 3. S. 532–537 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe B: Editionen. Bd. 10/III).

*Учитель бо zde токмо един таков быввы,
богослов правый, церкви догмата хранивый.*

*Муж благоверный, церкви и царству потребный,
проповедию слова народу полезный,
Семен Петровский от всех верных любимый,
за смиренномудрие преудивляемый.*

*Им же польза верные люди наслаждала,
незлобие же, тихость, кротость удивляла.
В нем же вера, надежда, любви пребываше,
молитва, милостыня, пост ся водворяше.*

*Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
мерность же и мужество опасно блюденна.
Многими дары богом бе преодаренный,
непамятозлобием весьма украшенный.*

*Иеромонах честный, чистоты любитель,
воздержания в слове и в деле хранитель.
Ни о чесом же ином оный промышляше,
но еже церковь нашу мать увеселяше.*

*Не хоте ино божий раб что глаголати,
токмо что пользу может ближним созидати.
Ничесо же ина творити любляше,
точию еже богу не противно бяше.*

*Иже труды си многи книги написал есть,
и под разсуждение церковное дал есть.
С церковию бо хоте согласен он быти
и ничто же противно церкви мудрствовати.*

*Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
учением правым то миру показаше.
В защищение церкви книгу Жезл создал есть,
в ея же пользу Венец и Обед издал есть,*

*Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием.
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
в научение роду российску явивый.*

*Обаче и сего смерть от нас похитила,
церковь и царство пользы велия лишила,
Его же пользы ныне людие лишены,
зри сего в гробе сем кости положенны.*

*Душу же вручил в руке богу всемогущу,
иже благоволил ю дата везде сущу,
Да примет ю яко свое создание
и исполнит вечных благ его желание.*

*Телом со избранными даст ему возстати,
с ними же в десней стране в веселии стати
И внити в вечную небесную радость,
неизглаголанную тамо присно сладость.*

Эти вирши лучшего поэта Москвы второй половины XVII в., оммаж покойному и его стихотворная апология, во многом напоминают современный некролог — хотя бы перечислением сочинений. Эпитафия написана силлабическим стихом, очень литературна (чтобы не сказать «холодна»), и с точки зрения современной в ней отсутствует подлинное ощущение горечи утраты. Но поэтика времени требовала совершенной риторики.

Есть ли у таких огромных, «сложносочиненных» памятных надписей аналоги в России? Их немного, все они несут следы западной, латинской учености и связаны с выходцами из Речи Посполитой, украинцами или белорусами. Не мудрено, что больше всего их в Новом Иерусалиме, одном из самых европейских по духу, формам, истокам памятнике. Именно здесь сохранились первые «длинные» эпитафии — сначала не стихотворные, но все же и не формулярные, а специально сочиненные к случаю. Такой эпитафии удостоились два соратника патриарха Никона по строительству Воскресенского собора, умершие в 1665 г. и погребенные под его южной лестницей на Голгофу: иподиакон Никита Никитин и замечательный художник-ювелир Петр Иванович Заборский²⁰. Следующая серия надгробий с многословными эпитафиями, в том числе в стихах, относится уже к 1680–90-м гг.: два текста архимандрита Германа I для гробницы патриарха Никона (после 1681) и эпитафия самому Герману I (ум. в 1682), написанная архимандритом Никанором²¹. Все плиты довольно крупные, хотя размера «таблиц» Симеона Полоцкого далеко не достигают, и датируются, видимо, несколько позже погребений. Никанор

²⁰ Новые сведения об их погребении см.: Беляев Л.А. Капелла франков в Новом Иерусалиме? Архитектурно-археологические объекты у южного фасада Воскресенского собора (предварительное сообщение) // Архитектурное наследство. М., 2016. Вып. 65. С. 68–83.

²¹ Общие каталоги надписей Нового Иерусалима: Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование. М., 2006; Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006.

составил и огромный текст «летописи» монастыря — несколько каменных плит, вмонтированных, подобно нераскрывающимся дверям, у галереи, ведущей на Голгофу²².

Конечно, системная работа по освоению стихотворной эпитафии как книжного жанра началась раньше, но не позднее середины 1670-х гг. В 1675 г. на смерть митрополита Павла, руководившего Печатным двором, написали серию эпитафий Симеон Полоцкий и Евфимий Чудовский; в том же году преставился Епифаний Славинецкий, на смерть которого Симеон составил пять стихотворений. Но продвижение эпитафий в область каменного надгробия не было быстрым (отдельные случаи высекания виршей на могильных камнях иногда возводят к 1650-м гг.: надпись на могиле митрополита Серапиона в Троицком Калязинском монастыре). Самых «эпитафионов» известно довольно много, но большинство из них на камни не переносили. Правда, в тексте эпитафии камень (или по крайней мере место могилы) почти всегда присутствует — но это просто литературный прием, идущий из глубины античных традиций: «эпитафион» Епифанию Славинецкому (1675) открывает даже переложение извечной формулы: «Стани, путниче, zde и умилися, Где Епифаний телом положися...».

Посвящение Симеону Полоцкому — самая длинная из надгробных надписей XVII в. и, возможно, самая ранняя в области лапидарной стихотворной эпитафики. Она обнаруживает родство с аналогичными по смыслу текстами, но имеет и ряд явных отличий. Так, обронный тип резьбы время от времени встречается на самых дорогих плитах уже со второй трети XVII в. Но столь обильно применяется только в династическом некрополе Архангельского собора в Кремле. Большинство же надписей просто врезали в фон, как, например, все упомянутые выше надписи Нового Иерусалима. Впрочем, как исключение обронная работа встречается и здесь, наряду с характерным набором барочной растительной орнаментики, излюбленной в резьбе иконостасов, в архитектурной резьбе и в изразцах середины XVII в. (листья аканфа, виноградная лоза). Хороший пример — обнаруженная в 2012 г. плита Акакия (ум. в 1670), третьего архимандрита Воскресенской обители, — превосходно украшенная, но по содержанию абсолютно традиционная (ил. 3).

Линия эпитафий Москвы, книжных и нарезанных в камне, генетически связана с традицией барочной эпитафии Восточной Европы, прежде всего Речи Посполитой, где с эпохи Ренессанса сочинение надгробных речей, их включение в надгробные памятники, временные (связанные с погребальной церемонией, *Pompa Funerbris*) и по-

²² См.: Сазонова Л.И. Литературная культура России, Раннее Новое время. М., 2006. С. 329–331.

3. Надгробная плита третьего настоятеля Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, архимандрита Акакия (+ 08 сентября 1670 г.). Раскопки Института археологии РАН, 2012 г.

стоянные (обычно архитектурные со скульптурными элементами), было обязательным. Тексты эпитафий самого Симеона Полоцкого и его современников-стихотворцев непосредственно происходят из этой традиции. Интересна даже композиция этих текстов, в которой стремятся применять разбивку на две колонки, характерную для современной им европейской эпитафики.

За ней открывается длиннейший путь, ведущий в мир Античности; бескрайнее поле реальных, вырезанных в камне или отлитых в металле, и чисто литературных (а подчас и фантастических) эпитафий. До момента, когда русская культура напрямую с ним соприкоснется через покупку скульптур греческих божеств, от «эпитафиона» еще четверть века, а до включения в состав Империи земель с руинами древнегреческих городов — и того больше, около столетия. Но дальний отсвет общего для Европы классического наследия, когда-то принесенного на Русь византийцами, вновь пробился в Московию — на этот раз через один из характернейших жанров европейской литературы²³.

²³ Впрочем, в Москве с середины XVII в. были знакомы, как недавно выяснилось, и с латинско-германским пасторским стихом протестантов (см.: *Беляев Л.А.* Но-

Глядя на два циклопических камня (длина которых превосходила и казенную, и греческую сажени), стоит задуматься о технических проблемах, которые возникали при добыче и перевозке таких крупных, но относительно тонких глыб известняка (камня, как известно, не особенно прочного).

Встает вопрос и о месте его добычи. До сих пор, к сожалению, не составлена база данных по камню, из которого делали надгробия, и не проводилось массового отбора проб для литологического анализа. Но следует отметить, что сотрудники Химического факультета МГУ Е.Г. Яновская и Д.В. Альбов, при поддержке Русского географического общества, Института археологии РАН и других научных организаций, уже начали работу по систематическому сбору и анализу образцов дифракционным методом. В контакте с ними Государственный музей-заповедник «Горки Ленинские» занялся с 2014 г. изучением истории добычи белого камня в нижнем течении реки Пахра, включая обследования древних каменоломен, карьеров и природных выходов камня. Известны уже и случаи открытия археологами остатков древних мастерских, в которых тесали плиты и нарезали орнамент²⁴. По собранным материалам, отразившим организацию каменотесного дела в России, уже проведены временные выставки.

Отдельные анализы, проведенные по особым случаям, показывают, сколь перспективным может оказаться такое исследование. Так, саркофаг патриарха Никона, описанный Иоанном Шушериным в его Житии, после стандартного порошкового рентгеновского дифрактометрического анализа, проведенного А.С. Алексеевым (Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН) в лаборатории геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, оказался сделанным из природного гипса (алебастр; $\text{CaSO}_4 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$). Хотя конкретный район добычи пока не установлен, сам набор возможных источников впечатляет (Сицилия, Русский Север, Нижегородская область)²⁵.

вые плиты иноземцев XVII века в Московии: предварительная публикация // КСИА. М., 2015. № 240. С. 223–232). Через несколько десятилетий выходцам с Украины будут писать уже латинские эпитафии их московские коллеги-ученые. См.: *Вальков Д.В.* Латинская эпитафия 1718 года из Московского Заиконоспасского монастыря // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 9. Ч. 1. С. 37–41.

²⁴ *Фатков А.М., Яганов А.В.* Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово-2 в 2013 году // Археология Подмосковья. М., 2015. Вып. 11. С. 412–421.

²⁵ *Beliaev L.A., Kapitonova M.A.* Patriarch Nikon's Alabaster Sarcophagus Composition and Possible Sources // Anthropology & Archeology of Eurasia. Summer 2014.

Итак, надгробие из двух плит с эпитафией Симеона Полоцкого — не частный, не семейный и даже не корпоративный (монастырский, придворный) памятник. Да и не просто мемория. Перед нами — род публичного заявления первых русских интеллигентов, их послание к современникам, демонстрирующее новые веяния в русской книжности, поворот к новому стилю, новому взгляду на мир, проповеди «новой добродетели», вполне европейской по духу. Она соединяет русскую культуру с бесконечной толщей средиземноморской традиции, уводит к корням классической цивилизации, делает для русских осмысленными слова извечной формулы надгробной надписи: *Sta, viator!*